

2015-05-21 **Детские годы в оккупации**



Родилась я 10 августа 1935 года в селе Кочетовка Хохольского района. Мама умерла в 1939 году, отец, когда началась война, ушёл на фронт. Я осталась с бабушкой и дедушкой в селе, в семье из 8 человек. Помню очень ярко, как в село въехали немцы на мотоциклах. Дети побежали смотреть, но меня моя тётя не пустила. Мы жили на улице Оторванка. Немцы заняли её под склад боеприпасов, все огороды были заполнены ящиками со снарядами. Сами заселились в наши дома, а нас выгнали.

Мы жили в сарае. Наша хата – пятистенка – двухкомнатная. Здесь поселились офицеры.

В дальней комнате – офицер старший, а остальные – в передней комнате, на двухъярусных нарах. Детям (мне с двоюродным братом) разрешили спать на печке. Однажды днём мы сидели на печке, смотрели из-за занавески на немцев. Было интересно, так как они были в каких-то намордниках (противогазах). Вдруг что-то звякнуло, и воздух наполнился ядовитым газом. Мы стали кашлять, задыхаться, текли слёзы. Я, старшая (7 лет), слезла с печки, а брат (2 года) испугался и забился в угол на печи под тряпки. Вбежала его мама, стала кричать что-то немцам. Бабушка схватила внука и убежала на улицу. А на тётю наставили пистолет, вывели и долго издевались.

Потом нас совсем выгнали из сараев. И мы жили в погребе у родственников на другом краю деревни. Страшно было от бомбёжек. Замирало всё внутри от ужаса. Знали по гулу самолёта, чей он. Знали, какой снаряд летит. Немцы потешались над маленьким братом, дразня его конфеткой, а когда он протягивал руку за ней, немец отправлял её себе в рот. Самыми свирепыми были финны – хуже эсэсовцев. Самыми добрыми – румыны.

От жизни в антисанитарных условиях, от голода и холода у нас появилась чесотка, вши кипели, всё лицо и голова были в сплошных струпьях. И когда мне помыли голову первый раз, вся поверхность воды в тазу была покрыта сплошным слоем копошащихся вшей.

В марте пришли наши. Первыми были разведчики в маскхалатах. А мы ещё боялись выходить, не веря в своё спасение. Кроме того, ходили упорные слухи, что всех, кто был «под немцем», расстреляют. Всё обошлось, но папа мне строго приказал не писать в автобиографии при вступлении в комсомол, что я была в оккупации, так как он сам страдал из-за того, что был в плену. Хотя из плена он бежал и был в партизанах в Белоруссии до прихода Красной Армии.

Осталась жива, радуюсь жизни, замечательным детям, прекрасным внукам. Надеюсь на результативность нашего движения за права детей войны.

З.Н. Крупина